

Корсиканская история / рассказ

Category: Neकायálar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Корсиканская история / рассказ КОРСИКАНСКАЯ ИСТОРИЯ

Я ехал из Аяччо в Бастию сперва побережьем, а потом свернул в глубь острова; путь мой лежал через невозделанную и каменистую долину Ниоло, которую там называют цитаделью свободы, потому что при каждом захвате Корсики генуэзцами, маврами или французами корсиканские партизаны всегда искали прибежища в этом неприступном краю, откуда их не могли выбить и где их не могли покорить.

Время от времени я видел на высоких кручах что-то серое, похожее на груды камней, упавших с вершины. Это были деревни, гранитные деревушки, подвешенные, прилепившиеся к склону, точно птичьи гнезда, и почти незаметные на огромной горе.

Гигантские каштаны казались кустарником по сравнению с громадами вздыбленных на этом острове складок земли; а маки, заросли вечнозеленых дубов, можжевельника, толокнянки, мастиковых деревьев, крушины, вереска, самшита, мирты, букса, спутанных, как копна волос, сплетенных между собой вьющимся ломоносом, гигантскими папоротниками, жимолостью, каменным розаном, розмарином, лавандой, терновником, точно густое руно, покрывали склоны гор, к которым я приближался.

Гранитные скалы, возвышающиеся над этим зеленым ковром, словно врезаются в небо своими серыми, розовыми или голубоватыми вершинами.

Моя норовистая лошадка с бешеными глазами и взъерошенной гривой резвой рысью обогнула обширный Сагонский залив, после чего мы проехали через Карагез, греческое поселение, некогда основанное беглецами, изгнанными из отечества. Рослые красивые девушки с тонкими чертами лица, узкими руками и стройными бедрами, исполненные необычайной грации, собрались у водоема. Я, не останавливаясь, поздоровался с ними, и они ответили мне

певучими голосами на мелодичном языке своем покинутой отчизны. Проехав Пьяну, я увидел перед собой фантастический лес из розового гранита, лес шпилей, колонн, причудливых фигур, выточенных временем, дождем, ветром и соленой морской пеной. С трудом взяв подъем мрачной долины Ота, я к вечеру попал в Эвизу и попросил пристанища у г-на Паоли Палабретти, к которому у меня было рекомендательное письмо.

Это оказался высокий, чуть сутулый мужчина, хмурый на вид, какими часто бывают чахоточные. Он проводил меня в отведенную мне комнату, унылую комнату с голыми каменными стенами, но роскошную для этого края, не знающего прикрас. Не успел он выразить своим гортанным говором на корсиканском наречии, смеси французского с итальянским, какая для него радость оказать мне гостеприимство, как его прервал звонкий голосок, и в комнату вбежала маленькая женщина, брюнетка со жгучим румянцем, большими черными глазами и тонким станом. Обнажая в улыбке сверкающие зубы, она бросилась ко мне и стала трясти мою руку:

– Здравствуйте, сударь! Как поживаете?

Потом отобрала у меня шляпу и саквояж, орудуя только одной рукой, так как вторая была у нее на перевязи, и тут же выпроводила нас, заявив мужу:

– Пойди погуляй с гостем до обеда.

Мы повиновались. Палабретти шел рядом со мной, еле шевеля ногами и языком, и беспрестанно кашлял, приговаривая после каждого приступа:

– В долине-то свежо, вот грудь мне и заложило.

Он вел меня глухой тропкой между высокими каштанами.

Внезапно остановившись, он заговорил тягучим голосом:

– На этом самом месте моего двоюродного брата Жана Ринальди убил Матье Лори. Смотрите, я стоял вот здесь, возле Жана, а Матье как вынырнет шагах в десяти от нас да как закричит: «Жан, не смей ходить в Альбертаче! Говорю тебе, Жан, не смей, а не то, верь моему слову, я тебя убью!» Я схватил Жана за руку: «Не ходи, Жан, он и впрямь тебя убьет». (А они оба одну девушку, Полину Синакупи, обхаживали.) Ну, а Жан и закричи в

ответ: «Нет, пойду! И не тебе, Матье, помешать мне в этом». Тут, не успел я схватиться за ружье, как Матье прицелился и выстрелил. Жан подпрыгнул, верите ли, сударь, не меньше чем на два фута, ну, точно как ребенок прыгает через веревочку, и со всего маха рухнул на меня, так что ружье мое отлетело вон до того большого каштана. Рот у Жана был открыт, только он не вымолвил ни слова. Он уже кончился.

Меня поразили невозмутимый вид свидетеля такого преступления.

– А что же убийца? – спросил я.

Паоли Палабретти долго кашлял, прежде чем ответить:

– Удрал в горы. А на другой год его убил мой брат. Знаете моего брата, Филиппа Палабретти, бандита?

Я пролепетал:

– У вас брат – бандит?

Глаза благодушного корсиканца блеснули гордостью.

– Да, сударь, еще какой знаменитый! Четырнадцать жандармов уколошил. Он погиб вместе с Николо Морали, когда их окружили в Ниоло. Шесть дней они держались и уж совсем пропадали с голоду. – И тем же философским тоном, каким говорил по поводу своей чахотки: «В долине-то свежо», – он добавил:

– Обычаи в нашей стране такие.

Чтобы подольше удержать меня, на следующий день устроили охоту, и еще через день – тоже. Я лазил по оврагам вместе с проворными горцами, и они не уставали занимать меня рассказами о похождениях бандитов, о зарезанных жандармах, о кровавой мести, которая приходит к концу только после истребления целой семьи. При этом они каждый раз поясняли, как мой хозяин: «Обычаи в нашей стране такие».

Я прожил там четыре дня, и молодая корсиканка, пожалуй, чересчур маленькая, но прелестная, крестьяночка с дамскими замашками, обращалась со мной, как с братом, как с близким, старым другом.

Когда настало время уезжать, я зазвал ее к себе в комнату и, сто раз подчеркнув, что у меня и в мыслях нет предлагать ей плату, стал просить, чтобы она позволила прислать ей из Парижа какой-нибудь пустячок на память о моем пребывании здесь.

Я убеждал, настаивал, даже злился. Она долго отказывалась.

Наконец согласилась.

– Так и быть, – сказала она, – пришлите мне пистолет, только совсем маленький.

Я глаза раскрыл от удивления. А хозяйка пояснила шепотом, на ушко, как поверяют сладостную, заветную тайну:

– Мне деверя убить надо.

Теперь уж я просто испугался. А она, улыбаясь, торопливо размотала перевязку на своей бездействующей руке и показала на ее белоснежной округлости сквозную кинжальную рану, почти успевшую зарубцеваться.

– Не будь я одной с ним силы, – сказала она, – он убил бы меня. Муж – тот не ревнует, он меня знает; и потом он ведь больной, это ему кровь-то и остужает. Я, сударь, и в самом деле женщина честная; ну, а деверь всяким рассказням верит и ревнует за мужа. Он, конечно, набросится на меня опять. Вот тут, когда при мне будет пистолет, не он меня, а я его убью.

Я пообещал прислать ей пистолет и свое обещание исполнил. А на прикладе велел вырезать: «Орудие мести».

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 1 декабря 1881 года; первоначальный вариант одного из эпизодов пятой главы романа «Жизнь».

Ги де Мопассан. Полное собрание сочинений в 12 тт. Том 10. Библиотека «Огонек», Изд. «Правда», М.: 1958
Перевод Н. Касаткиной. Neкаýalar